

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ПОИСК САМООПРЕДЕЛЕНИЯ*

Интерес к истории российской экономической мысли обусловлен рядом причин. Во-первых, Россия остро переживает период своего самоопределения и нуждается в восстановлении исторической памяти народа. После многих лет забвения к россиянам вернулись имена многих выдающихся мыслителей, в том числе экономистов. Любая страна имеет шанс на будущее, если она опирается на историческое наследие. Во-вторых, сегодня перед страной встали жизненно важные вопросы в области не только экономики, но и науки, а также культуры, ответы на которые содержатся в трудах наших соотечественников.

Не затрагивая всех вех истории экономических учений в России, остановимся на ее важнейшем этапе - этапе формирования российской школы экономической мысли как составной части мировой науки в конце XIX - первой трети XX веков. Выделение такого этапа потребовало ответа на ряд вопросов, прежде всего, о существовании национальных экономических школ, об их органичной связи с историей и культурой страны, с особенностями ее цивилизационного устройства. В свою очередь, ему должен предшествовать ответ на другой, более общий вопрос - о национальном характере большинства экономических школ.

Постановка проблемы

Одним из первых, кто обозначил проблему национальной принадлежности экономических школ, был редактор «Отечественных записок» Г.З. Елисеев. В 1872 г. в статье «Плутократия и ее основы» он писал: «...Изучая различные политико-

* Статья, опубликованная в ж. «Вопросы экономики». № 2.

экономические учения, вообще не должно забывать, что человеку трудно отрешиться от той формы общества, в которой он живет, в которой родился и воспитался: как бы он ни старался сделаться космополитом, те общественные отношения, которые сложились на его родине, основа общественного мирозерцания, дух, которым проникнут общественный строй, всегда останутся для него более или менее родными. Француз будет рассматривать общественные отношения под своим углом зрения, немец - под своим, точно так же англичанин и т.д. Оттого на всех теориях политико-экономических и вообще социальных лежит всегда национальная печать. Но нигде на экономических учениях печать национальности не обозначалась так резко и выпукло, как в Англии»¹.

Г.З. Елисеев был связан с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым по «Современнику», с Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриным - по «Отечественным запискам». К его мнению о практических путях, на которые вступила Россия, по свидетельству современников, прислушивались все слои общества. Елисеев свои статьи и внутренние обозрения не подписывал или в редких случаях выступал под весьма своеобразным псевдонимом, «менее всего ценя известность и более всего идею, совершенно безыменное служение ей».

Первым открыто заявил о необходимости формирования экономической мысли, основанной на индивидуальных особенностях «русского грунта», С.Ю. Витте. В книге «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» он писал: «До тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим; до тех пор мы будем слышать из одних и тех же уст и читать на столбцах одних и тех же органов логически несовместимые экономические суждения и проекты... и понятно, что до тех пор мы не будем жить правильною эконо-

¹ Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы. - Отечественные записки. 1872. № 2. Цит. по: Народническая экономическая литература. М. 1958. С. 140.

мической жизнью, а будем идти на буксире заграничных веяний и всяких спекуляций насчет народного благосостояния»².

Вопрос о национальной принадлежности экономических школ остается дискуссионным и сегодня. Однако современный взгляд на характер этих школ основан на их базовой природе, отражающей место страны (или группы стран) в мировом хозяйстве и ее специфические интересы.

Еще одним принципиально важным вопросом является концепция социальных альтернатив. Без его решения многое остается непонятным как в прошлом, так, что не менее актуально, и в будущем.

В современной литературе в качестве главенствующих подходов можно выделить следующие:

- страна более развитая показывает менее развитым их заграничный день, поскольку для общества характерны линейное развитие и безальтернативный переход от низших фаз к высшим;
- побеждает тот, кто успешнее развивает производительные силы и обеспечивает более высокую рентабельность;
- все остальное, что мешает такому прогрессу, должно отмереть.

Однако все это уже давным-давно известно под названием «экономический детерминизм» К. Маркса. Сегодня же данная идея воспроизводится под громким лозунгом глобального торжества всеобщей вестернизации! И дело не в споре о том, какая наука лучше – наша или «ихняя»: они другие и неизбежно разные. О науках, как и о поэтах, можно сказать словами В. Маяковского: «больше поэтов - хороших и разных».

Что же надо осуждать? Осуждать надо то, что противоречит науке: догматизм и претензии на знание абсолютной истины. Именно это типично для современного «мейнстрима». Ш. Жид и Ш. Рист в заключении к одному из лучших учебников по «Истории экономических учений», авторы которого получили премию Парижской академии моральных и политических наук, писали: «Для саморазвития наука и преподавание ее более всего

² Витте С. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. 2-е изд. Киев. 1884. С. 162.

нуждаются в широкой и полной свободе: в свободе пользования методами, в свободе теорий, а также в свободе в области идеалов и систем, ибо последние, внося в область науки чувства, дают иногда драгоценный стимул для научного исследования. Нет ничего более губительного для науки, как догматизм, откуда бы он ни исходил. И, к несчастью, в этом отношении не свободна от критики ни одна школа и ни одна страна»³. Такой вывод относится, естественно, и к исследователям российской школы экономической мысли.

Современные монетаристы, возводящие свои принципы в догмы и претендующие на знание абсолютной истины, достойны сожаления как люди, которые оказались неспособными подняться до высот научного мышления. Их апломб - лишь прикрытие собственной несостоятельности. Они очень напоминают тех, о ком писал А. Гор в своей книге «Земля на чаше весов». На его вопрос о защите окружающей среды один из ведущих специалистов Всемирного банка ответил: «У макроэкономики и окружающей среды нет точек соприкосновения»⁴.

Претензия на монополизм пагубна для любого учения, в том числе и для марксизма, который надо рассматривать не как библию, где все изначально верно, а как науку с ее открытиями, поисками и заблуждениями. Показателен в этом отношении подход С.Н. Булгакова к тезису К. Маркса о росте концентрации производства в сельском хозяйстве. «Ошибка Маркса, - писал он в книге «Капитализм и земледелие», - да послужит нам предостережением. Она объясняется не тем, что ему не хватало ума - ум он имел гениальный - и не тем, что ему не хватало знаний, - он принадлежит к самым ученым экономистам не только своего, но и всех времен, - она объясняется общими социально-философскими воззрениями Маркса, его переоценкой действительных способностей и значения социальной науки, границ социального познания»⁵.

³ Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. 2-е изд. М. Свобода. 1918. С. 378.

⁴ Цит. по: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М. Academia. 1999. С.561.

⁵ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 2. СПб. 1900. С. 457-458.

Особенности российской цивилизации

Споры об особенностях и традициях российской цивилизации, равно как и о наличии и своеобразии других типов цивилизации, ведутся не десятки, а сотни лет. Уже одно это свидетельствует о сложности и неоднозначности предлагаемых решений и подходов. И вряд ли сегодня кто-нибудь из серьезных ученых попытается дать универсальный ответ на вопрос всемирно-исторической сложности. Однако при рассмотрении практических аспектов развития России, формирования ее экономической мысли, а также переживаемых на этом пути трагедий уход от анализа особенностей российской цивилизации недопустим - это значит изменить самой науке.

Цивилизация - понятие сложное и многомерное, поэтому трудно дать ее определение. Какими способностями нужно обладать, чтобы понять и описать ее? Не случайно, что первое и достаточно емкое обоснование цивилизации было дано Н.Я. Данилевским в книге «Россия и Европа». И произошло это потому, что надо было ответить на извечный вопрос: кто мы? Над этим вопросом мучился А.С. Пушкин, его задавал Н.В. Гоголь: «Нечего греха таить - все мы очень плохо знаем Россию». Его повторил - и мы с жадностью его выслушали - Ю.В. Андропов: «Мы очень плохо знаем страну, в которой живем и трудимся».

Мы всегда хотим быть на кого-то похожи. А мы - другие, мы - другая цивилизация. Н.Я. Данилевский писал: «Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себя заключает»⁶. Каким-то чувством, - может быть, шестым - мы можем ощутить себя как цивилизацию.

Зарождение российского типа цивилизации относится к периоду Киево-Новгородской Руси. К этому времени уже были заложены основы культуры и письменности, хозяйственного и семейного быта, системы ценностных ориентаций и психического склада личности. Именно тогда сложились принципиально

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. Книга. 1991. С. 129.

иные, в отличие от Запада, отношения государства и общества. Государство возникло не как результат установления господства сильного над слабым, а как способ становления и развития живущих на территории народов, их защиты от внешнего врага и наведения порядка в хозяйственной жизни.

Исследования, проведенные за последние полвека в Новгороде под руководством академика В.Л. Янина, показали, что строки «Повести временных лет» полностью подтверждаются данными археологии. Вскоре Рюриковичи утвердились в Киеве, но уже в качестве княжеского рода. Они не только управляли населением этого региона, решали спорные вопросы, но и выполняли функцию защиты славянских и других народностей от постоянных набегов враждебных племен.

И каким бы трагическим ни было дальнейшее развитие страны, вера в силу государства и поиск в нем высшей защиты от зла оставались неизменными. Они питали и научную мысль, и методы осуществления экономической политики. Сегодня для любого человека, более или менее знакомого с историей России, достаточно ясно, что создание и развитие промышленности в стране, обеспечение конкурентоспособности продукции на внешних рынках были бы невозможны без поддержки государства. Незнание этих азов истории не может служить аргументом в споре.

Важной особенностью развития российской экономической мысли стало воздействие на него восточного христианства, или православия. Оно восходит к самым истокам возникновения страны и сопровождает (по своим ценностям, убеждениям, этическим нормам, по характеру культуры) все этапы развития российского государства сначала в европейской его части, а затем и на евразийской территории.

На протяжении всей истории православие хранило и обогащало культуру россиян, сохраняло, причем в периоды самых тяжелых испытаний, целостность народа, поддерживало его стойкость и нравственные начала. Будучи не агрессивным по своей сути, оно помогало использовать достижения других культур, высоко ценило любовь к ближнему и готовность (по чисто этическим принципам) помочь слабому. По понятиям православия, кумир богатства всегда включает представления о

духовных благ и нематериальных ценностях. Требования справедливости стояли обычно выше норм закона.

Большое влияние на специфику формирования и развитие российской цивилизации оказали географические условия расселения славянских и других народов, организация их самоуправления и домохозяйств. Именно эти факторы способствовали, причем с самых первых шагов и на протяжении всей истории, созданию общинных, групповых структур управления, коллективных, часто артельных форм организации труда, заложили основы последующего развития кооперации. Через культуру как носителя исторической памяти народа подобная организация входила в систему представлений и ценностей, определяя и выбор строя экономической мысли.

Существенное влияние на формирование экономического мышления ученых России оказало постоянное расширение ее территориальных границ, завершившееся созданием крупнейшего в мире евразийского государства. Осмысление происходящих процессов, новый взгляд на мир и его развитие - органичные черты складывавшейся научной школы.

Наконец, одной из главных особенностей формирования российской школы экономической мысли было изучение эволюции крестьянского хозяйства и отношения к земле в связи с определением будущего развития страны.

По оценке И.И. Иванюкова, изложенной им в книге «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений», «состояние экономической науки в России как в количественном, так и в качественном отношении резко распадается на два периода: период до и после освобождения крестьян. До шестидесятых годов число экономических сочинений не превышает десятка... Со времени освобождения крестьян экономические вопросы составляют едва ли не самый большой предмет внимания нашей литературы». Следовательно, отличительная черта появившейся экономической литературы - особый интерес к судьбе крестьянства. «Поэтому, - продолжает Иванюков, - благосостояние крестьян у нас есть благосостояние всех клас-

сов общества и цветущего положения государственных финансов»⁷.

К этому времени обнаружались и те «язвы пролетариатства», о которых остро писали их свидетели, что вызвало резкий подъем революционно-социалистических движений, позволивший остановить безжалостное наступление капитала и перенести его давление за пределы Европы. Происходившие процессы явились мощным импульсом поиска альтернативы для определения будущего России.

Сегодня в России уровень интеллектуальной проработки аграрных проблем, пожалуй, на два порядка ниже, чем сто лет назад. Вся их сложность сведена к чисто митинговому спору «за» или «против» частной собственности на землю.

Отличительные черты российской школы экономической мысли

Осознание особенностей российской цивилизации подводит к выделению отличительных черт российской школы экономической мысли и необходимости их объяснения. Поскольку раньше такая задача не ставилась, то вопрос об их выделении можно рассматривать именно в порядке постановки.

Хочу в данной связи отметить, что острые, порой яростные споры между учеными отнюдь не отрицают их принадлежности к той или иной национальной школе. Разумеется, речь идет об исследователях, живущих не только в данной стране. Однако круг поставленных жизнью проблем, поиск решений и возможных альтернатив объединяют профессиональных исследователей вокруг разработки актуальных вопросов. Они в совокупности, как говорится, «по большому счету» и формируют национальную экономическую школу.

К моменту зарождения российской школы экономической мысли произошел глобальный, общемировой кризис политической экономии. Об этом писали во всем мире, в том числе и в

⁷ Иванюков И. Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. Издание третье. М. 1891. С. 59-60, 61.

России - А.Н. Миклашевский, П.Б. Струве. Выход из кризиса шел по различным направлениям, в результате сформировались разные школы с довольно разнообразными подходами.

Идеи, вокруг которых велись исследования в российской школе экономической мысли, можно свести к ряду ключевых позиций.

Системный анализ экономических явлений. Духовный потенциал россиян, сложившаяся на его основе система нравственных ценностей и тип культуры предопределили иное, чем на Западе, отношение к коренным вопросам экономической мысли и теоретическим идеям. Многие из них значительно отличались от тех, которые сложились на Западе.

Выдающийся ученый и государственный деятель начала XIX в. Н.С. Мордвинов, считавшийся «англофилом», писал, что «ум и руки рабов неспособны к порождению народного богатства. Свобода, просвещение, собственность и правосудие - суть существенные и единственные источники оного... Не руки человека дают плодородие земле, не ими процветают художества, торговля, промышленность; не ими умножаются и возрастают денежные капиталы; ум и наука суть истинные орудия богатства»⁸. Разделяя идеи А. Смита, Мордвинов, однако, поставил ему в упрек то, что «он в своей теории весьма далеко ушел от практической жизни». Задолго до Ф. Листа и в противовес А. Смигу он обосновал необходимость промышленного протекционизма для России.

Н.С. Мордвинов, как и другие российские экономисты, стремился к исследованию не неких высших абстрактных истин, а накладывал свои искания на реальные задачи развития страны. Спорить о том, плохо это или хорошо, можно бесконечно. Но такова органичная черта российской экономической мысли, отражающая своеобразие России как особого типа цивилизации.

Отрицание концепции «экономического человека» и попыток рассматривать его изолированно от общества, от среды обитания можно считать отличительной чертой российского мировоззрения. И оно свойственно не только экономическому мыш-

⁸ Цит. по: Святловский В. История экономических идей в России. Пг. Начатки знаний. 1923. Т.1. С. 170.

лению, но и всей отечественной философской и социальной мысли.

В современной мировой науке существенно возросла потребность в комплексном, системном анализе экономики. Речь идет о ее взаимодействии с социологией и культурой, с психологией и историей, с политическими и юридическими нормами. В российской экономической школе такой подход был заложен изначально. Она всегда выступала (лучше или хуже - это уже другой вопрос) за изучение личности во всем богатстве форм ее жизнедеятельности, за исследование природы и роли национального хозяйства, за осмысление исторических функций государства.

Народное хозяйство как целое и роль государства. Интерес к формированию и развитию российского национального хозяйства, а также к роли государства пронизывает практически всю тысячелетнюю историю нашей страны начиная со времени становления самого государства в условиях окружения враждебными и агрессивными племенами.

Осмысление целостности российского национального хозяйства, его природного и человеческого потенциала, перспектив развития и вхождения в мировое хозяйство, проведение соответствующей государственной политики находились и находятся в центре внимания общественных деятелей, ученых Академии наук, Вольного экономического общества и Географического общества. Многочисленные экспедиции по стране, посвоему достаточно великие географические открытия - все это формировало тот духовный мир и умонастроения людей, тот тип культуры, без которого невозможно представить историю России. Вот почему четкое и достаточно завершенное изложение соответствующих представлений о целостности национального хозяйства и роли государства в ходе становления российской школы экономической мысли вполне закономерно и логично. В своих исследованиях ее представители всегда учитывали огромный масштаб государственного хозяйства в дореволюционной России. Еще за два века до Октябрьской революции, со времен Петра I, именно правительство, а не частный капитал инициирует развитие промышленности и торговли.

Вполне естественно, что учение В.И. Ленина о подготовке материальных предпосылок социализма в рамках зарождающегося государственно-монополистического капитализма воспроизводило традиции отечественной экономической мысли. Они подкреплялись и ее «западничеством», ориентацией на накопленный на Западе, особенно в Германии, опыт организации государственных трестов и синдикатов.

Нельзя забывать или выбрасывать из исторической памяти и то, что в России еще перед первой мировой войной (кстати, задолго до аналогичного эксперимента в США) был введен «сухой закон». Меры по государственному регулированию экономики резко усилились в годы войны, а продразверстка была впервые введена Временным правительством.

После Октябрьской революции, после увлечения идеями «военного коммунизма», тяжелейших испытаний гражданской войны и иностранной интервенции (о которой почему-то в последнее время перестали писать) Россия встала на путь осуществления новой экономической политики, которая не исключала необходимости государственного регулирования экономики. Как писал в то время Г.М. Кржижановский, «отнюдь не исторической случайностью является то обстоятельство, что знаменитый поворот от продразверстки к продналогу с его свободой «местного оборота» по времени как раз совпадает с организацией Госплана»⁹.

Многие из оставшихся в стране после революции представителей российской школы экономической мысли подключились к работе над планом и концепцией планирования. Н.Д. Кондратьев особое внимание уделял реальности планов, резко критиковал отрыв целей плана от имеющихся возможностей, разработку так называемых «смелых» планов. В статье «План и предвидение» он призывал не поддаваться гипнозу гигантских, но несбыточных проектов, «фетишизму цифр». «Одно из двух: или мы хотим иметь серьезные и реальные планы и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные

⁹ Кржижановский Г.М. Товарообмен и плановая работа. 1924. Цит. по: Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. Проблемы планирования. М.-Л. 1934. С. 162.

научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными «смелыми» расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем - они будут вредными, потому что могут ввести практику в жесткие ошибки»¹⁰.

Разработка проблем многоукладной экономики. В пореформенной России с учетом ее исторических традиций и опыта коллективной или артельной организации хозяйства началась интенсивная разработка проблем многоукладности хозяйства, включая проблему создания и развития кооперации, которая заслуживала особого интереса. Этому способствовало развитие торговли и банковской системы, в том числе создание кредитных товариществ, ускоренное формирование как традиционных, так и новых для России промыслов, усиление (хотя и в сложной борьбе с самодержавием) позиций земства, быстрое и достаточно существенное по мировым масштабам развитие земской статистики. Все это не отрицало роли государства, но ставило препоны уже тогда четко обозначившейся давящей силе административной системы, ведущей к отчуждению общества от правительства.

Значительную роль в разработке указанных проблем сыграл А.И. Чупров, возглавлявший в 1874-1899 гг. кафедру политической экономии и статистики в Московском университете. В Париже в Русской школе общественных наук он прочел курс лекций о мелком земледелии. Чупров был приверженцем кустарных артелей, сельской общины, объединения мелких промыслов, писал об укреплении биржевых и рыбопромышленных артелей.

В своих работах он, пожалуй, одним из первых сформулировал понятие «административная система» и дал ей развернутую критику: «Административная система, оказавшаяся никуда не годною... кроме политического унижения, которое она нанес-

¹⁰ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М. Экономика. 1989. С. 126-127.

ла, сделав Россию посмешищем народов, кроме невыразимого нравственного вреда, созданного при ее господстве отчуждением общества от правительства и подрывом чувства законности в народе, причиняет еще страшный материальный ущерб, грозит привести нашу страну к нищете»¹¹. Надо подчеркнуть, что в прошлом ученые четко различали административную систему и экономические функции государства. Наши современники такого различия не проводят.

Прочитанный Чупровым курс статистики оказал большое влияние на развитие статистических исследований в России, главным образом на земскую статистику. В начале 1890-х годов он обосновал задачу обновления земских статистических работ путем монографического описания отдельных общественных явлений.

Известный ученый-математик, статистик и экономист А.А. Чупров, сын А.И. Чупрова, издал книгу «Очерки по теории статистики» (1909 г.). Этот труд по своей значимости поставил его во главе русской статистической школы. Он стал одним из классиков статистической науки в мире.

М.И. Туган-Барановский - вероятно, самая крупная и выдающаяся фигура в российской школе экономической мысли - внес большой вклад в теоретическое обоснование проблем кооперации, имевших значение для ее развития. В фундаментальном труде «Социальные основы кооперации» он подчеркивает, что «в кооперации, однако, заложены основы и совершенно иного хозяйственного строя, стоящего выше не только капитализма, но и коллективизма... Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей - стать насквозь свободным кооперативом. Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества»¹².

Развитие кооперативного движения началось после отмены крепостного права. Первый кооператив зарегистрирован в 1865

¹¹ Чупров А.И. Речи и статьи. Т. 2. М. 1909. С. 139.

¹² Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М. Экономика. 1989. С. 449.

году. Со следующего года Вольное экономическое общество предоставило ссуду Н. Верещагину на создание артельных сыроварен в Тверской губернии. К началу 1871 г. в Новгородской и Вятской губерниях появились по две молочные артели. Был создан склад артельных сыроварен в Петербурге, продавший в 1868 г. артельного сыра и масла на 5 тыс. руб., в 1869 г. - на 20 тыс., а в 1870 г. - на 680 тыс. рублей.

Подъем кооперативного строительства продолжился и на начальном этапе нэпа, по которому, однако, был нанесен довольно сильный удар в период сплошной коллективизации. Разрушались простейшие формы кооперации в деревне, а созданные колхозы подверглись фактическому огосударствлению. Надолго исчезла жилищная кооперация. К 1960 г. окончательно ликвидировали промысловую кооперацию.

Аграрный вопрос и способы его решения. В связи с отмеченными выше особенностями развития российской цивилизации исследование аграрного вопроса и способов его решения стало одним из ключевых направлений экономической мысли. Именно в его основе лежало понимание альтернативности общественного прогресса, во многом так и не реализованной в российских условиях.

Бурные дискуссии об аграрном вопросе и судьбах России, восходящие еще к А.И. Герцену, развернулись после отмены крепостного права. Прямо или косвенно в эти дискуссии оказались втянутыми все ведущие экономисты страны. Но среди них важно выделить знаковые фигуры, вошедшие в российскую школу экономической мысли.

В конце 1870-х годов такой фигурой был князь А.И. Васильчиков, выпустивший в 1876 г. книгу «Землевладение и земледеление в России и других европейских государствах». В ней дана крупномасштабная постановка аграрного вопроса и изложены рассуждения о перспективах пореформенного развития страны. Автор резко критиковал западноевропейский капитализм, неслыханный рост богатства на фоне обнищания низших классов. Чтобы не идти подобным пагубным путем, Россия, как считал Васильчиков, могла выбрать альтернативный вариант, поскольку в ней исторический процесс имеет иную закономерность, чем на Западе.

Возможности альтернативного варианта развития России изучал также В.П. Воронцов. В книге «Судьбы капитализма в России», вызвавшей большой резонанс, он писал: «Наша особенность состоит в том, что мы после других вступили на путь прогресса, и эту особенность со всеми последствиями разделяют с нами и многие другие славянские и неславянские народы. Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены и которые придется им опять завоевывать»¹³.

При всей ограниченности, а порой и наивности своих суждений, В.П. Воронцов высказывал идеи, в какой-то мере находящие отражение в современных процессах становления многоукладной и социально ориентированной экономики. Он выступал за самостоятельность производителя, за преодоление его отчуждения от средств производства, максимальную пользу производства для рабочего населения. По сегодняшним реалиям обворованной и разграбленной России мы видим актуальность его предупреждений об опасности «эксплуатации массы народа в интересах небольшого кружка счастливицев», о «хищническом направлении общества».

В процессе поиска различных и альтернативных вариантов решения аграрного вопроса особую роль играла позиция В.И. Ленина и ряда его соратников. В книге «Развитие капитализма в России» он фактически отождествил процессы промышленности и земледелия, считая, что разделение труда «превращает и само земледелие в промышленность», что «земледелие... само становится промышленностью».

Из такой постановки вопроса следовал вывод о неизбежном столкновении интересов, о росте богатства и усилении нищеты. «Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело той, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, то есть которое не выражало борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других». Но как совместить это с тезисом, что исто-

¹³ Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб. 1882. С. 274

рической миссией рынка или капитализма является (отмеченный в той же книге) гигантский рост производительности труда? Почему на его основе не может происходить одновременный рост богатства, почему обязателен раскол на богатых и бедных?

Кроме того, у В.И. Ленина есть и еще одно принципиально важное положение. «Обычное народническое воззрение, - пишет он, - по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» представляют из себя не две формы одного и того же экономического явления, а ничем между собой не связанные и противоречивые типы явлений, - это воззрение решительно ни на чем не основано»¹⁴. Такие оценки во многом предопределили последующие события в нашей стране, трагедию коллективизации.

Позже, в период разработки концепции нэпа, в статье «О кооперации» В.И. Ленин писал о формировании принципиально нового взгляда на эти вопросы, о существенном изменении прежних взглядов на будущее общества, о кооперации как элементе социализма. Он подошел к новым взглядам, но, к сожалению, не завершил своего анализа.

С момента появления рассматриваемого ленинского труда прошло сто лет. Но и сегодня аграрный, или агропромышленный сектор, а также аграрная политика играют значительную роль в социально-экономической политике ведущих стран мира - от США до Японии, от Франции до Италии. Существуют и аграрии, которые представляют весьма мощную политическую силу и не могут быть причислены к какому-то единому классу. Относить их просто к мелкой буржуазии - значит проявлять беспомощность в теории и пользоваться терминами, давно утратившими свой смысл.

Разумеется, и в аграрном секторе идет конкурентная борьба, кто-то обогащается, а кто-то разоряется. Рынок есть рынок, и движущей силой его развития остается конкуренция. В основе успеха тех, кто получает дополнительную выручку («продажа с барышом»), лежит предпринимательский доход. Это своеобразная плата за технические нововведения, за знание законов рынка и связанного с ним риска. Кстати, концепция предприниматель-

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 22, 58, 164, 176.

ского дохода достаточно подробно описана в трудах российских экономистов.

А.В. Чаянов, опираясь на свои более ранние работы, а также опыт аграрного развития западных стран и дореволюционной России, сформулировал концепцию вертикальной концентрации хозяйства. Им была предложена классификация технических и экономических процессов, развитие которых позволит обобществить сельскохозяйственное производство в целом. Он полагал, что вовлечение аграрного сектора в систему народного хозяйства как единого целого вовсе не сводится к созданию крупных предприятий на базе наемного труда. Он видел альтернативный путь, позволяющий трудовому крестьянскому хозяйству отстаивать свои позиции на основе кооперации. Такая возможность была реальной в условиях новой экономической политики.

Наблюдая происходящие в мире процессы, Чаянов писал, что «наш мир постепенно перестает быть только европейским миром, а ныне Африка и Азия с их своеобразными экономическими формациями все больше и больше будут входить в круг нашей жизни и культуры, мы тем больше будем вынуждены посвящать наш теоретический интерес проблемам некапиталистических экономических систем»¹⁵. Именно «своеобычные экономические формации» или типы цивилизации в Азии дали мощный толчок проводимым там реформам. В Китае Чаянова рассматривают как главного теоретика блестяще проведенной там аграрной реформы.

Что мешало самоопределению?

Когда подошло время обобщать итоги развития российской экономической мысли, появился ряд причин (как внутренних, так и внешних), серьезно осложнивших поиск ее самоопределения. В наиболее общем виде эти причины могут быть сведены к следующим.

1. В оценке прошлого возобладал примитивный классовый подход, в соответствии с которым «исходной основой группировки» должна быть классовая структура пореформенной России. Выделить в таком случае единые, сводные характеристики

¹⁵ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М. 1989. С. 143.

русской школы экономической мысли было просто невозможно.

После нэпа и особенно во время проведения в декабре 1929 г. Первой конференции аграрников-марксистов представители русской школы экономической мысли были подвергнуты жестким гонениям. Имена выдающихся ученых почти на полвека исчезли из нашей культуры. На смену научному поиску пришли угодливая апологетика и догматизм, снизились нравственные качества ученого.

2. Резко усилилась разобщенность отечественной и западной науки. Своеобразие методологической культуры русской экономической мысли, ее иные, чем на Западе, подходы к оценке фундаментальных проблем, к осмыслению путей обновления общества помешали осознать ее место и роль в мировой науке, поскольку отечественная наука оказалась отгороженной от западной.

Проявленный в России интерес к учению Дж.М. Кейнса и предложенным им методам регулирования экономики, признание вклада Н.Д. Кондратьева в разработку концепции «длинных волн», выдающиеся заслуги Л.В. Канторовича, отмеченные Нобелевской премией по экономике, не изменили утвердившегося на Западе негативного отношения к русской школе экономической мысли. Двойные стандарты действуют там и сегодня.

3. Сыграла свою роль и такая характерная наша черта, о которой с горечью писал Н.А. Бердяев: неблагодарность к духовной работе предшествующих поколений, нежелание почитать даже великих своих людей есть великий грех, есть неблагодарная черта в русском характере. Сказалось и столь присущее нам раболепие перед западными учеными, желание понравиться им, получить одобрение.

В свое время в рецензии на «Курс политической экономии» бельгийского экономиста Г. Молинали, который «неисповедимыми путями» явился просвещать нас, Н.Г. Чернышевский писал: «Наши петербургские экономисты... пришли в радостное волнение и устроили торжественный обед, на котором гость сиял как свеча, а наши доморощенные знаменитости экономической науки увивались около этой свечи как мотыльки. Молинари держал себя перед своими петербургскими поклонниками с

приветливостью и удостаивал выражать свое удивление великими успехами русского просвещения; благосклонно обещал он сообщить всей Европе, что у нас есть люди, не лишенные известной образованности; а люди, которых находил он не лишенными некоторой образованности, передавали нам по секрету, что он произвел на них впечатление фата и отчасти шарлатана»¹⁶.

Сегодня сложилась целая плеяда людей, которые привыкли к таким похвалам, постоянно кочуют по западным конференциям и симпозиумам, хотя Россию, ее историю и экономическую науку они профессионально не знают. Столь же ограничен по своему составу и круг приглашаемых в Россию западных «специалистов», среди которых нет выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии по экономике. Их публикации в России всячески замалчиваются, а предложение помочь экспертам МВФ в изучении специфики России и путей ее обновления (в чем научный и гражданский долг российских экономистов) игнорируется.

4. Сказывается здесь и огромная, весьма могущественная роль хорошо оплачиваемых средств массовой информации. Их развитие представляет одну из самых опасных угроз новому информационному обществу XXI века.

На рубеже веков, как писал один из наиболее известных западных социологов С. Московичи в книге «Век толп», толпа превратилась в публику. Устроившись уютно у телевизора или компьютера, подключенного к Интернету, она заглатывает не только информацию, но и тип мышления. Формирует же его тот, кто владеет соответствующими системами и кто платит деньги. Платящий деньги заставляет каждого не просто работать, но и навязывает ему систему ценностей и выбор политики.

Сложнейшие проблемы, возникающие здесь, не только влияют на оценку роли научных школ, но и далеко выходят за рамки нашего анализа.

¹⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VI. С.-Петербург. 1906. С. 339.

Ближайшие задачи

Изучение истории российской мысли, а тем более ее преподавание находятся на крайне низком уровне. То же самое относится к изучению и преподаванию истории российской экономики. По возрождению истории российской экономической мысли кое-что делается в Москве, Санкт-Петербурге, Волгоградском государственном университете. Регулярно публикуются статьи по этой тематике в «ЭКО». Продолжают издаваться труды в сериях «Памятники экономической мысли» и «Экономическое наследие». Но этого крайне мало. Надо ходатайствовать в РАН через Бюро Отделения экономики о развитии этих направлений, просить Министерство образования РФ содействовать преподаванию в вузах истории российской экономической мысли, истории экономики России, добиваться соответствующих решений через Ученые советы, проводить эксперименты.

Остро стоит вопрос о смене кадров, поскольку скоро кому будет заниматься историей российской экономической науки, да и самой историей экономики нашей страны. А это - завтрашний день России. Рассуждать о дальнейшей судьбе российской экономической науки можно с чувством оптимизма или пессимизма, как, строго говоря, и о будущем самой страны. Однако эмоции не могут служить основой для серьезного и профессионального прогноза.

Сегодня мы живем в условиях острейшего, не замечаемого даже СМИ жесткого противоборства сторонников Вашингтонского консенсуса, навязывания концепции единой супердержавы и западных идеалов, с одной стороны, и борцов за восстановление самобытных традиций России, сторонников «многоцветного» понимания мира, возрождения современных цивилизаций - с другой. В ходе этого противоборства решается и вопрос о возрождении российской школы экономической мысли как органической части мировой науки. Речь идет не о возврате к старому, а об умении осознать реалии наступившего века.

Есть основание полагать, что завтрашний день принадлежит тем, кто может активно включиться в создание новой парадигмы обществоведения, кто определит место страны в системе аль-

тернативных вариантов ее будущего развития, кто сумеет соче-
тать анализ глобальных изменений в мире с сохранением уни-
кальности российской цивилизации. Пожелаем им успеха в этой
трудном деле.

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ **К 80-летию НЭПа и Госплана***

Вольное экономическое общество России и Институт эконо-
мики РАН организовали круглый стол, посвященный 80-
летию создания Государственной общеплановой комиссии (Гос-
плана) и началу новой экономической политики. Политические
условия, сложившиеся в стране в те годы, хорошо известны. Но
за принятыми решениями стояла и более глубокая причина. Речь
шла о поиске качественно нового хозяйственного механизма,
способного обеспечить возрождение разрушенной российской
экономики и ее последующий рост. Именно в этом смысле мы и
понимаем слова Кржижановского о том, что отнюдь не истори-
ческой случайностью является совпадение по времени создания
Госплана и начала новой экономической политики. Открывая
нашу встречу, хочу остановиться на некоторых наиболее важ-
ных уроках и выводах.

Первое. Нельзя двигаться вперед без изучения опыта своей
страны. Нельзя жить и работать по шпаргалке. У страны, за-
бывшей свое прошлое, нет будущего. Мы должны четко видеть
плюсы и минусы своей истории, успехи и провалы экономиче-
ской политики. История требует честности.

Память о прошлом, к сожалению, не только в нашей стране
часто мифологизирована. Об этом говорилось совсем недавно на
дискуссии, материалы которой опубликованы в «Независимой
газете». Но у экономической истории есть очень важная особен-
ность: она может опираться на реальные цифры и факты.

* Материалы постоянно действующего международного Круглого
стола «Экономический рост России». Москва. 22 марта 2000. - См.:
Научные труды международного союза экономистов и Вольного эконо-
мического общества России. Т. 8. М., Санкт-Петербург. 2001.

За пять-шесть лет после рассматриваемых событий Россия смогла восстановить почти полностью разрушенное хозяйство, достигнуть дореволюционного уровня по объему промышленности и сельского хозяйства, по производительности труда и доходам населения, ввести конвертируемый червонец. Таковы реальные факты становления нового хозяйственного механизма. Поэтому мне хотелось привлечь внимание участников круглого стола к урокам нашей истории, а не только обсуждать современные проблемы, как это получилось на прошедшей до круглого стола пресс-конференции.

На сегодняшнее заседание мы пригласили руководителей правительства (как бывшего, так и настоящего), руководителей Госплана и Центрального банка, Министерства экономики и Министерства финансов, ученых, специализирующихся в соответствующих проблемах. Были изданы и розданы участникам встречи нормативные документы периода создания Госплана и первых шагов НЭПа.

Второе. Соединение воедино работы по освоению плановых методов и развитию коммерческих начал отнюдь не сводится к примитивным спорам о соотношении плана и рынка. К сожалению, уровень теоретической проработки проблем хозяйственного механизма, в том числе в средствах массовой информации, был в 20-е годы существенно выше, чем в наше время. Главным в дискуссиях тех лет был комплексный, целостный подход к хозяйственному механизму и его элементам. Центральным был вопрос о плане, его природе и методах составления. Споры велись о природе плана, о том, в какой мере он сочетает в себе анализ, прогноз, балансировку пропорций и директиву, о генетическом или телеологическом методе его разработки.

Крупнейшая теоретическая ошибка в последующем состояла в отождествлении плана с планом-директивой. Это формула принадлежит Сталину. Но почему большинство исследователей лишь ее взяли за основу? Либо они согласны с ней и забыли все, что показали миру Франция и Япония, Китай и Южная Корея. Но тогда это не наука, а жонглирование фразами.

Но все это - только небольшая часть всего многообразия теории и практики становления нового хозяйственного механизма. В России был разработан, а потом освоен и мировой нау-

кой, единый план производства и распределения общественного продукта. У основ его создания стоял Попов, а богатство его методологии раскрыл в последующем лауреат Нобелевской премии Леонтьев.

Происходил поиск структуры и инфраструктуры рынка, создавались тресты и синдикаты, внедрялись методы хозрасчета. Был воссоздан Государственный банк, широкий размах получила кооперация. В России утвердилась монополия внешней торговли, развивались концессии и другие формы привлечения иностранного капитала. На основе денежной реформы был введен конвертируемый червонец. Были созданы биржи труда и обеспечено достижение полной занятости. Велась очень активная работа по внедрению научной организации труда. Все названные меры осуществлялись, несмотря на ряд переживаемых в те годы кризисов, вызванных новизной и сложностью решаемых задач, на фоне общего подъема экономики, а не ее разрушения и спада. Это тоже исторический урок, о котором современные реформаторы стараются не вспоминать.

Третье. Успехи начального этапа становления планового хозяйства и развития НЭПа были обусловлены сложным, всегда противоречивым единством практики и экономической науки. К разработке конкретных проблем были привлечены такие люди, как Кржижановский и Сокольников, Кондратьев и Юровский, Струмилин и Чайнов, Базаров и Громан, Гастев и Керженцев. Осуществлялся массовый перевод и издание на русском языке лучших работ по экономике.

Политические условия на начальном этапе были достаточно благоприятны. Однако в дальнейшем монополизация политической власти, ее вмешательство в естественные процессы эволюции общества и управления, попытки командования наукой обернулись массовыми трагедиями. Рубежом стало проведение в конце 1929 г. конференции аграрников-марксистов, приуроченное к 50-летию со дня рождения Сталина. Выдающиеся ученые оказались в тюрьме, а многие из них поплатились жизнью. Удар по экономической науке был нанесен примерно за 20 лет до печально известной дискуссии в ВАСХНИЛ.

Если не брать периода войны и послевоенного восстановления, то новый подъем в народном хозяйстве приходится на пе-

риод 1966-1970 гг. в связи с проведением экономической реформы и ряда экспериментов. Общественные условия оживили науку, началось осмысление уроков становления плановых начал и хозрасчета. Доверие к власти и к успехам экономики стали стимулом резкого ускорения хозяйственной динамики. Объемы производства в промышленности и сельском хозяйстве, производительность труда и его оплата существенно возросли.

Сказалось здесь и действие такого важнейшего элемента хозяйственного механизма, как состязательность, подкрепленная высокими хозрасчетными стимулами. Данный вывод был зафиксирован и в совместном заявлении ведущих российских ученых-экономистов и ученых США, среди которых пять лауреатов Нобелевской премии по экономике. Главный секрет успеха, писали они, не в собственности, а в конкуренции. Кстати, российский опыт показал, что многократно описанная организация конкуренции путем создания ряда авиационных фирм стала мощным рычагом прорыва в этой сложной и наукоемкой сфере.

Четвертое. Анализ опыта создания Госплана и перехода к новой экономической политике показал способность власти к признанию своих собственных ошибок. Это очень трудно, но исключительно важно для выработки стратегии. Способность услышать голос народа, его надежды и чаяния - ключевое условие экономической политики.

Сегодня нам предлагают уход государства из сферы экономики, ее так называемое дерегулирование. Это противоречит мировому опыту. Провал российских реформ 90-х годов признали во всем мире, за исключением тех, кто ответственен за разрушение экономики, развал научно-технического потенциала страны и массовое обнищание населения. Народ дорогой ценой заплатил за сделанные ошибки, но власть стремится об этом забыть. Советники Президента и разработчики стратегии социально-экономического развития страны на ближайшие десять лет пытаются отключить науку от разработки своих предложений. Они пытаются перекрыть голос науки, что четко проявилось при подготовке «программы Грефа».

Любая стратегическая программа, включающая социально-экономический выбор, разрабатывается властью не для себя, а для народа. Только в этом случае она может создать доверие к